

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К73

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Станислава Дудина
Иллюстрации *Анны Ларюшиной*

Котова И., Куно О.

К73 Снежный король : сборник / Ирина Котова, Ольга Куно. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Другие Миры).

Что будет, если Снежный король решит послать за учеником своего волшебного кота, и тот привезет ему не Кая, а Герду? Полнейшая путаница! Да и у Золушки не все в порядке, ведь она — кухарка в королевском дворце. Сложно это — после бала, да на кухню!

И как быть подземному царю Кащею, если хочешь жениться, а вместо прекрасной принцессы тебе достается Белка рыжая, конопатая да задиристая? А сестра ее, Марья-Искусница, ни в какую замуж не хочет! Но придется, и не за кого-нибудь, а за колдуну Мерлина, что в костяном замке живет...

Четыре волшебных повести от авторов Ирины Котовой и Ольги Куно — истории о знакомых всем сказочных героях, рассказанные на новый лад.

ISBN 978-5-17-120103-6

ISBN 978-5-17-120103-6

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© И. Котова, О. Куно, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2020

Ольга Куно

Золушка

ГЛАВА 1

Я знала, что вот-вот расплачусь, и ничего не могла с собой поделать. Рыдать при всех не хотелось, но остановить поток слез, рвущихся наружу с яростью штормовой волны, было не в моей власти. Окружающий мир расплылся, спрятался за пеленой первых слезинок, и я поспешила вытереть глаза тыльной стороной ладони, стараясь не прерывать при этом своего занятия. Крепко сжала зубы и постаралась полностью сосредоточиться на работе, перебороть себя, не поддаваться. Не тут-то было. Слезы все подступали и подступали к глазам, словно нескончаемые ряды врагов, штурмующих крепость. Увы, защита оной уже дала брешь. Я сдалась до постыдного скоро и, перестав сопротивляться, тяжело оперлась обеими руками о край стола.

Я больше ничего не могла видеть; комната и окружавшие меня люди надежно спрятались в застилавшем глаза тумане. Но слышать я могла и слышала... смех. Они бездушно смеялись над моими слезами и даже не старались этого скрыть. Ни тени сочувствия, ни малейшего признака — ни в одном из них. Все прекрасно знали, что со мной происходит, но, как видно, не побывав в чужой шкуре, невозможно по-настоящему понять чувства ближнего. Что ж, я давно знала, какие люди меня окружают. Ничего нового я для себя сегодня не открыла. Слезы уже бежали по щекам, но легче все не становилось. Наконец не выдержав, я бросилась прочь из комнаты, сопровождаемая новым взрывом хохота, на ходу вытирая лицо руками. Выбежав в полутемный коридор, я остановилась и прижалась к прохладной стене,

глубоко и размеренно дыша. Отделенная от остальных толстой стеной, я полушепотом, словно мантру, повторяла простую истину, открывшуюся мне уже давно, но оттого, увы, не переставшую быть актуальной. Я ненавижу резать лук!

...В тот день в королевском дворце царила суматоха, небывалая даже для этого, что и говорить, весьма беспокойного места. Тщательно чистились огромные пушистые ковры, драились до зеркального блеска узорчатые каменные полы, многолетняя пыль стиралась с тяжелых фамильных портретов. В одном из залов, обыкновенно предназначенных для танцев (в обеденном попросту не хватило бы места), расставлялись многочисленные длинные столы, которые затем накрывались с учетом самых тонких и заковыристых правил этикета. Соседний зал, (там должен был состояться собственно бал) украшали и приводили в порядок особенно тщательно. Расположившиеся на балконе музыканты то настраивали инструменты, то репетировали отдельные мелодии, распространяя по этажу звуки арфы, флейты, скрипки, фортепиано и прочих средств как услаждать слух, так и делать жизнь его обладателей невыносимой. По коридорам в противоположных направлениях, то и дело натываясь друг на друга и ругаясь на чем свет стоит, бегали слуги, несущие в тот или иной зал предметы мебели, роскошные канделябры, фарфоровую посуду, картины или просто дрова. Лакеи, статус которых не позволял им носиться как угорелым, старались ходить более степенно, но не намного менее быстро, и оттого выглядели они порой, признаться, весьма забавно. Ну, а уж мажордом — тот и вовсе сбился с ног, что было совсем неудивительно. Как-никак сегодня должен был состояться торжественный прием в честь двадцать первого дня рождения (а, стало быть, и совершеннолетия) его высочества наследного принца, и такое торжество следовало провести без сучка без задоринки.

Было с сегодняшним празднеством связано и еще одно немаловажное и несколько скользкое обстоятель-

ство. По им одним ведомой причине король и королева решили, что, достигнув столь важного возраста, принцу настало самое время остепениться, а потому необходимо срочно подобрать ему невесту. Ни для кого во дворце (в особенности для слуг, зачастую знающих много больше вельмож) было не секрет, что его высочество не разделяет точку зрения своих венценосных родителей на этот счет. Однако если в каких-то других делах с принцем, возможно, и считались, то в данном случае их величества определенно решили идти напролом, полностью проигнорировав мнение главного действующего лица в предстоящем торжестве. И потому сегодня во дворец должны были прибыть многочисленные незамужние баронессы, княжны, графини, а также первые красавицы королевства, завоевавшие своими очаровательными личиками те привилегии, которыми другие обладали по праву рождения.

Само собой разумеется, охватившая дворец суматоха не обошла стороной и кухню, в особенности сейчас, когда первые гости уже собирались в зале, временно принявшем на себя роль обеденного. Конечно, некоторые яства уже какое-то время ожидали своего часа, однако большая часть блюд, в том числе горячее, сладкое и некоторые салаты, должна была быть приготовлена непосредственно перед подачей на стол. При этом если хоть с одним кушаньем произойдет задержка, и гусь с яблоками или фаршированный рябчик не попадет на королевский стол в точно назначенное для этого время, немедленно полетят чьи-то головы, а потому старались мы на совесть. Дворцовая кухня состояла из нескольких примыкающих друг к другу комнат, и мне нередко удавалось спокойно работать в одной из них в гордом одиночестве, однако сегодня ни о чем подобном не могло быть и речи. Столы были завалены и заставлены всевозможными продуктами, готовыми и полуготовыми блюдами; комнаты заполнили бегающие туда-сюда люди, звон посуды и самое невообразимое сочетание разнообразных запахов.

— Пончик, принеси еще одно серебряное блюдо. Да смотри вытри его как следует!

— Куда ты несешь капусту?! С каких пор в этот салат добавляется капуста? Сейчас заставлю тебя самого сожрать весь кочан!

— У тебя не осталось нескольких луковиц? Хорошо, я принесу из кладовки.

— Куда вы задевали перец, изверги? Вы что, задумали совсем меня сегодня извести?

— Проверьте кто-нибудь, соус, наверное, уже закипел!

Возвратившись в шум и гам кухни, я прошла к столу и снова взялась за нож.

— Смотри, Золушка, больше не плачь! А то как бы у тебя салат пересоленным не вышел!

— Помолчала бы, а то я сейчас припомню, как кое-кто вчера порезался, — беззлобно отозвалась я. — Интересно, сколько людей стали вампирами, покушав то блюдо.

Золушкой меня прозвали за то, что во время работы на кухне то руки, то лицо, то старое поношенное платье рано или поздно оказывались перепачканы в золе. Сказать по правде, абсолютно то же самое происходило и с остальными, но к тому моменту, как я начала работать во дворце, у всех них уже были свои прозвища. К примеру, Пончик, шестнадцатилетний поваренок, уже высоченный и при этом мягко говоря довольно-таки полный, получил свое прозвище за комплекцию и любовь к одноименным продуктам. Главную повариху называли Дама, не из-за происхождения, самого что ни на есть непримечательного, а за ее необыкновенное самообладание, умение держать себя и при любых обстоятельствах сохранять спокойствие. Можно сказать, даже за своего рода манеры. Стрела — еще одна повариха лет тридцати пяти, начавшая работать во дворце на год раньше меня; ее называли так за быстроту и точность движений. Или, к примеру, Портняжка, двадцатилетний парень, в отличие от остальных не приставленный непосредственно к кухне, а выполнявший во дворце самые разные поручения, в том числе помогавший и у нас, когда в этом возникала необходимость, вот как сегодня.

Как-то раз он проявил неожиданную для всех ловкость в обращении с иглой, когда понадобилось срочно зашить порвавшуюся внизу портьеру и поблизости не оказалось ни одной свободной женщины. Как правило, выполняемые им работы носили значительно более мужской характер, но прозвище закрепилось, и теперь иначе, как Портняжкой, его не называли. Так что Золушка, так Золушка. Я не обижалась.

Подойдя к столу, я обнаружила, что Стрела проявила все же сострадание и забрала луковицу себе. Сейчас та стремительно превращалась в мелко нарезанные белые лоскутки, все как две капли воды похожие друг на друга, не отличаясь ни формой, ни размером. Единственная часть нашей работы, с которой мне никогда не удавалось справиться как следует. Разумеется, в заправленном густым соусом салате разницы никто не заметит, но все равно обидно. С благодарностью взглянув на Стрелу, я принялась за помидоры. Затем за красный перец, потом за укроп...

Время шло, трапеза уже началась; блюдо за блюдом уходило с кухни на королевский стол, а вскоре сверху к нам стала возвращаться опустевшая посуда. Разумеется, о том, чтобы ее мыть, сейчас речи не шло; посуда постепенно скапливалась в громоздком чане с разогретой водой. Я заканчивала процеживать красный соус, когда из-за соседнего стола раздался голос Дамы:

— Пончик! Скорее отнеси этот салат наверх.

— Э нет! — категорично отозвалась Стрела. — Пончика я сейчас не отпускаю, он помогает мне с муссом. Пусть Портняжка отнесет.

— Портняжки нет, его отослали куда-то еще. Так кто же отнесет?

— Ну, не знаю. Но только не Пончик.

— Золушка? — позвала Дама. — Ты ведь как раз закончила. Отнеси это блюдо в зал.

— Кто, я?!

Мне никогда не приходилось носить еду наверх! Мои обязанности всегда ограничивались кухней, и я пребывала в полной уверенности, что так оно и к лучшему.

— Может, ты сама отнесешь? У тебя это лучше получится.

— Там получаться нечему. Поставила на свободное место на столе и исчезла, будто тебя и не было. А я не могу оставить кухню. Как ты себе это представляешь?

— Но я в таком виде... — предприняла я последнюю отчаянную попытку отвертеться. Это была не пустая отговорка: я была абсолютно уверена в том, что мое лицо, как обычно, перемазано золой, даже помнила, когда именно успела запачкаться.

— Твой вид там никого не интересует, уж можешь мне поверить, — ободрила меня Дама. — На вот, вытри правую щеку. — С этими словами она перебросила мне почти чистый серый платок, бывший в свои лучшие времена белым. Последний год он не возвращался к своему изначальному цвету даже после стирки в кипящей воде. — Вот так хорошо. Очень милое личико. Намного милее, чем у большинства из тех, кто сидит сейчас за королевским столом, поглощая все то, над чем мы тут вкалываем.

Я фыркнула, выражая скептическое отношение к комплименту. Ну, еще бы, добрые слова ничего не стоят, почему бы не использовать их, дабы заставить ближнего делать то, что тебе хочется? Тяжело вздохнув напоследок — просто чтобы выразить свое отношение к ситуации; я уже понимала, что от путешествия в трапезную не отвертеться, — я взяла изысканную фарфоровую вазу с салатом и, стараясь на нее не дышать, медленно вышла в коридор. Еще два десятка шагов, и передо мной — крутая лестница, разумеется, не парадная, а предназначенная в основном для слуг. На бережное отношение к блюду меня хватило ступенек на семь. Затем я взяла вазу покрепче, начала подниматься быстрее, перестала через каждые полсекунды с содроганием сердца проверять, не примялись ли листья салата, и преодолела оставшуюся часть лестницы более привычным для себя шагом. Свернув налево в широкий, хорошо освещенный коридор, я открыла низкую незаметную дверь в стене, и оказалась в другом мире.

Это была не преисподняя, не рай и даже не страна эльфов, в которую по слухам можно попасть через сокрытые в скалах ворота. Но дело в том, что во дворце, параллельно миру роскошных залов, парадных лестниц и богатых покоев существовал еще один мир, разительно отличающийся от первого и соприкасающийся с ним лишь посредством таких вот почти не заметных непосвященному глазу дверей. Как известно, вельможи не могут обходиться без помощи слуг — горничных, лакеев, поваров, плотников и многих других, — однако предпочитают, чтобы последние оставались как можно более незаметными, появляясь строго тогда, когда это необходимо, и исчезая в то мгновение, когда их услуги перестают быть нужны. Специально для того, чтобы слуги могли передвигаться по дворцу, не мозоля господам глаза и не тревожа их слух, здесь была создана сложная система коридоров, располагавшихся прямо в стенах здания. Это был самый настоящий лабиринт, охватывавший два этажа: этаж, предназначавшийся в основном для личных покоев членов королевской фамилии — спален, комнат для переодеваний, чайных, личных кабинетов и прочее, — а также этаж, на котором располагались различные залы для приема гостей, обеденный зал и личные покои кое-кого из придворных. Найти в нем дорогу мог только тот, кто знал эти полутемные коридоры досконально. То есть слуги, большинство из которых могли с закрытыми глазами отыскать нужную дверь, выводящую именно в ту комнату, где их присутствие было необходимо в данный момент. В отличие от хорошо освещенного дворца, где в темное время суток не жалели дорогих, почти на вес золота, свечей, это был мир полутьмы. Мир тех, кто видит и знает все, но сам остается невидимым. Мир слуг.

Быстро сориентировавшись в хорошо знакомом пространстве, я бесшумно отворила очередную невысокую дверь и, пригнувшись, вошла в просторный зал. Я тут же прищурилась, мучительно привыкая к хлынувшему со всех сторон яркому свету. Постепенно среди слепящей глаза белизны сформировались очертания роскошно накрытых столов, ломившихся от многочисленных

яств, шикарные вазы, картины и канделябры, украшавшие зал, а также красные ливреи стоящих ко мне спиной лакеев. Последние внимательно следили за каждым движением гостей, готовые предупредить малейшее их желание. Нацелившись в свободное пространство между двумя спинами, я незаметно скользнула к столу и сразу же отступила в тень, осторожно поставив вазу с салатом на совсем недавно освободившееся, судя по примятой скатерти, место. Все это время я не забывала о том, чтобы внимательно смотреть и слушать, что творится вокруг. Коли уж мне довелось разок оказаться в таком месте в столь ответственный момент, грех было упускать такую возможность, и я жадно ловила все доступные моим органам восприятия жесты, обрывки разговоров и запахи. Их величества восседали во главе стола, вернее, вереницы стоящих друг за другом столов; их стулья отличались от остальных более высокими спинками, наличием подлокотников и особенно изысканной резьбой, однако, на мой скромный взгляд, оставались несмотря на все эти отличительные признаки крайне жесткими и неудобными. Принц сидел на некотором расстоянии от родителей, отделенный от них тремя или четырьмя гостями; вид у него был самый что ни на есть кислый. Признаться, его высочество можно было понять. Во время трапезы он был окружен одновременно тремя дамами: две по правую и левую руку от него и еще одна напротив. Без сомнения, постарались венценосные родители, но сделанный ими выбор заставлял искренне посочувствовать юноше. Одной из усиленно развлекавших его разговором женщин оказалась княжна Амалия Тельсская, наследница весьма приличного состояния, девица на выданье лет этак... сорока пяти. С другой стороны — вся из себя загадочная, но при этом не менее говорливая леди Матильда Стольная, юная дочь одного из герцогов северной части королевства, дама более чем среднего кокетства и весьма солидных пропорций. Ну а напротив — леди Миранда, дочь графа Лунского, в отличие от своих соперниц, девушка и вправду красивая: белокурые кудри изящно обрамляют милое личико, большие зеленые глаза бросают на принца мно-

гозначительные томные взгляды, немного курносый нос лишь придает лицу дополнительное очарование... Вот только всем известно, что леди Миранда чересчур глупа даже для своего Круга Благородных Дам, хотя с мозгами в этом уважаемом кружке дело и без того обстоит не слишком благополучно. Неудивительно, что скучающий взгляд принца устремился мимо благородных дам и остановился на предмете, который его высочество, по-видимому, посчитал более достойным собственного внимания, а именно на молочном поросенке, возлежащем на серебряном блюде в обрамлении душистых головок чеснока. К сожалению, возможности увидеть дальнейшее развитие событий у меня не было. Следуя строгим дворцовым правилам, я поспешила исчезнуть из зала столь же незаметно, сколь появилась.

С тех пор, как я возвратилась в духоту кухни, прошло не менее двух часов. Трапеза наверху давно уже окончилась, и ритм работы резко снизился, позволяя вздохнуть свободнее. Кое-кого из помощников и вовсе отпустили домой. Грязная посуда более не помещалась в предназначенном для нее чане и возвышалась двумя неровными горками на одном из столов. Большая часть десертов уже отправилась наверх, дабы развлекать тех, кто случайно заскучает на начавшемся недавно балу, и утолить голод поздних гостей, не попавших на трапезу. Дама вдохновенно колдовала над последним оставшимся тортом, с видом подлинной художницы раскладывая вишенки среди воздушных кремовых башенок. Стрела смотрела в распахнутое окно, что-то тихонько напевая себе под нос. Заправив, наконец, фруктовый салат, я со вздохом опустилась на табурет, вытирая пот со лба. Вот сейчас сяду и буду ничего не делать. Даже не шевелиться. Только дышать. Целый час, или даже два.

Дама подняла глаза и посмотрела на меня исподлобья. Я ответила ей взглядом, начисто лишенным осмысленности.

— Золушка, ты ведь вроде бы хотела пойти посмотреть на бал?

— М-м-м, — промычала я.